

ОБРАЗ КАЛМЫЦКОЙ ЖЕНЩИНЫ-КАВАЛЕРИСТА В ПРОЗЕ А. ИСБАХА

Д. А. Иванова, Р. М. Ханинова

Среди русских писателей XX в., воплотивших в своем творчестве калмыцкую тему, есть те, которые были знакомы со степным краем и ее народом, и те, которые были лишены подобного знакомства.

«Четверть века тому назад я был в Калмыкии на олимпиаде. До сих пор забыть не могу. Славный у вас народ», — вспоминал Александр Абрамович Исбах (1904–1977) [Балакаев 1964: 3]. Его встреча в середине 1930 гг. с первой калмыцкой женщиной-кавалеристом, Марией Доржиновной Шапшуковой (1901–1978) отображена в очерке «Две женщины», в рассказе «Нарма Шапшукова» и в повести «Калмычка».

Целью нашей статьи является исследование художественного образа М. Д. Шапшуковой как примера создания советского героического жития в прозе А. Исбаха.

Все три произведения московского писателя объединены начальным хронотопом — республиканской олимпиадой в середине 1930-х гг. Коллективный сборник «Девушки Калмыкии» (1935), подготовленный к съезду женской молодежи Калмыкии, отвечал всем требованиям времени: здравицы Сталину, Советской власти, демонстрация достижений народного хозяйства, портреты участников гражданской войны и передовиков труда. Такими героинями предстают в очерке А. Исбаха «Две женщины» (1935) кавалерист Нарма Шапшукова и председатель Черноземельского сельсовета Булгун Дертеева [Исбах 1935: 22–24]. Члена президиума облисполкома Шапшукову, приветствующую многотысячных участников праздника, переполняют чувства: «Ее народ сегодня торжествует. Под открытым степным небом цветет искусство ее народа, самого забитого и угнетенного в прошлом. И вот новая молодежь, такие, как эта Булгун Дертеева, правят народом — новая крепкая молодежь советской Калмыкии.

Это для нее, для Булгун Дертеевой, для ее счастья вскочила Нарма в седло семнадцатилетней девочкой. <...> Она первой из

женщин-калмычек пошла к Семену Михайловичу Буденному и с ним, в его полках, на коне прошла всю войну, билась за красных, билась за новую Калмыкию, билась за Сталинград, на лучшем заводе которого выросла Булгун Дертеева» [Исбах 1935: 23–24]. Орденосеиц Шапшукова не в силах скрыть слезы: «Мы понимаем волнение Нармы. Мы успокаиваем ее. Молодая Булгун Дертеева ласково пожимает ее руку. И они стоят рядом, эти две женщины, символ новой возрожденной Калмыкии», — с пафосом подытоживает автор [Исбах 1935: 24].

В рассказе Исбаха «Нарма Шапшукова» (1937) героиня названа собственным именем, в повести «Калмычка» (1963) — вымышленным, по названию станицы, где родилась: Батлакова — Батлаевская. Нами установлено, что в Национальном архиве Республики Калмыкия хранится партийное дело коммуниста Н. Д. Шапшуковой. Мария Доржиновна Маркина (Шапшукова — фамилия по мужу) родилась в бедняцкой семье в 1901 г. в станице Батлаевская Сальского округа Области Войска Донского. В регистрационном бланке место рождения: «д. Батлаевская, Калмыцкий р-н Ростовской области», социальное происхождение: «крестьянка» [НА РК. Ф. 966. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 2].

Согласно канону советского жития, герой с детства претерпевает трудности и лишения. Маркина осталась сиротой еще в раннем детстве, после смерти отца мать вышла замуж вторично, оставив детей. В рассказе и повести А. Исбаха мать умерла, когда девушка выросла. Был у Марии слепой старший брат, Очир. В рассказе «Нарму и ее брата Очира — беспомощного, слепого от рождения — приютили родственники. Но родные были для Нармы и слепого Очира чужими, злыми людьми <...> скупы и неприветливы» [Исбах 1937: 141–142]. В повести же о брате героини ничего не сказано. «С десяти лет Нарма помогала матери. <...> Целый день проводила она во дворе

хозяина, нянчила его детей, обмывала их, помогала матери на скотном дворе» [Исбах 1963: 60] — таково тяжелое и безрадостное детство героини повести.

В советском житии для героя важна встреча, которая меняет его жизненный путь. В рассказе Исбаха девушка «встретилась с красногвардейцем Максимом Шапшуковым. Вместе с ним она ушла на фронт» [Исбах 1937: 143], воевала на Южном фронте в 1-м Донском кавалерийском казачьем полку, в Красной Армии, с февраля 1918 по апрель 1921 г. [НА РК Ф. 966. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 22].

Замужняя калмычка, по обычаю, получила новое имя, отсюда, видимо, имя Нарма, что означает «созвездие, звезда изобилия» [Монраев 2012: 177]. Автор, не зная точного имени Шапшуковой, полагал, что Мария — ее второе имя, как и написал в рассказе: «Ее звали Маней, Марусей, и это второе имя стало ей близким и родным. Никто из партизан не знал безвестную калмычку Нарму Маркину, но Марусю Шапшукову знали во всех буденновских отрядах Первой Конной — и под Царицыном, и в Ставрополе» [Исбах 1937: 143].

Важный момент в жизни героини иначе описан в повести. На митинге, где выступал Василий Долутаев (исторический прототип — Василий Хомутников, командир красного отряда, председатель ЦИКа Калмыцкой АССР), призывая поднять восстание против богачей, девушка предотвратила его убийство: сын зайсанга Манджиева целился в Долутаева из ружья, а она, заметив это, ударила преступника по руке. Так семнадцатилетняя Нарма Батлакова стала бойцом Красной Армии.

Для жанра советского жития характерны подвиги героя. В своем рассказе А. Исбах хронологически «сдвинул» события: как известно, Шапшукова спасла в горячке боя командира эскадрона Осадченко и помощника командира полка Стаценко. В повести эти подвиги не упомянуты, подробности же о них находим в рассказе. Ничего не говорится в повести о муже. В рассказе же подчеркнута: «Нарма неизменно сопровождала мужа — командира 2-го эскадрона калмыцкого революционного кавалерийского полка — в боях, конных атаках всегда была вместе с ним во главе эскадрона. Героический полк во главе со своими испытанными командирами-большевиками показывал изумительную отвагу в борьбе с

врагами советов. И рядовой боец — Нарма — никогда не страшилась трудной походной боевой жизни» (курсив всюду наш. — Д. И., Р. Х.) [Исбах 1937: 143–144].

Житие обычно подчеркивает не личное, а общее в герое. Описание внешнего облика Нармы в рассказе дано скупое, без индивидуальных черт: «Гибкая и быстрая, в мужской военной одежде она походила на бойкого мальчишку» [Исбах 1937: 143–144].

Героический характер в советском житии проверяется болезнью и ранами человека, потерявшего здоровье в борьбе за новую жизнь. В рассказе А. Исбаха контузия отразилась на здоровье бойца: «Она вышла из госпиталя — *слабая и худая*» [Исбах 1937: 144], что показано глазами Хомутникова, изредка с участием следившего за своей воспитанницей: «*Эта рано постаревшая больная женщина была так мало похожа на боевую, отважную девушку-буденновку*» [Исбах 1937: 145].

В первой главе повести Нарма дана в восприятии ее приемной дочери, Булгун: «Ее *маленькая* мама в старинном красочном национальном костюме, который она надевала только по большим праздникам.

На груди — лучились серебро и эмаль ордена. Первого боевого ордена, врученного в республике женщине» [Исбах 1963: 57]. Буквально повторена авторская фраза из рассказа о контуженном бойце: «Она вышла из госпиталя — *слабая и худая*» [Исбах 1963: 62]. В повести Долутаев тоже констатирует изменения в облике соратницы при встрече после войны: «Как она изменилась, Нарма... Он едва-едва узнал ее. <...> Долутаев изредка с *жалостью* следил за своей старой воспитанницей. *Эта, так рано постаревшая, больная женщина мало похожа на боевую, отважную девушку-буденновку*» [Исбах 1963: 63].

В советском житии герой по справедливости вознаграждается за муки и страдания, за подвиги. В исбаховской повести Долутаева и Батлакову в 1935 г. вызвали в Кремль, где Нарме вручили орден Красной Звезды. И во время республиканской олимпиады она «вспоминает Кремлевский зал и Калинина, и картину, на которой мчится она с обнаженным клинком... И слезы катятся, катятся по *худым, смуглым ее щекам...*» [Исбах 1963: 65]. Последний портретный штрих — встреча в 1957 г. в Элисте московского художника Андрея Марченко с Нармой Батлаковой, приемной матерью его

возлюбленной: «*Старая седая* женщина не сразу узнала его» [Исбах 1963: 71].

В повести легендарная героиня гражданской войны показана и с помощью экфрасиса. В повести на картине Марченко «Заря» «на первом плане женщина на коне. Молодая, *стройная, но не очень красивая и совсем не похожая на ту героиню, что скачет на картине в Кремле. Усталое, доброе лицо*. Названная мать Булгун — Нарма Батлакова» [Исбах 1963: 69].

Булгун первая сказала Андрею о картине, где запечатлена ее мать: «Она знаменитая женщина, и один известный художник даже изобразил ее на большой картине. Не видел ли он ее? Она висит в Москве, в Кремле» [Исбах 1963: 59]. Описание же этого изображения передано самой героине: «В одном из залов Кремля Нарма увидела большую картину. Спазмы сжали ее горло. *Конные калмыки мчались на врагов. Впереди отряда рядом с Долутаевым скакала Нарма*» [Исбах 1963: 63]. Писатель никак не идентифицирует картину — ни названием, ни ее автором-художником.

Прославление женщины-калмычки из народа, защищавшей Советскую власть, вписывается в общий контекст героики гражданской войны: женщины-бойцы с разными судьбами стали героинями прозы Б. Лавренева и А. Н. Толстого [Ханинова 2009: 220–223], А. Веселого и А. Соболя [Ханинова 2009: 27–35]. В рассказе А. Исбаха «*слава о Марусе Шапшуковой, отважной партизанке, гремела по всей степи*. С шашкой наголо мчалась она в самые горячие схватки, а в дни короткого отдыха со всеми бойцами звонко пела незабываемые боевые песни». Когда в Кремле вручали награду, «ее узнал командарм Буденный, узнал лихую наездницу, скакавшую *впереди отряда*» [Исбах 1937: 144].

Детей у Шапшуковых не было, после гражданской войны супруги расстались. В повести же Нарма удочерила девочку. Когда та «подросла, мать рассказала ей о *всей нелегкой своей и романтической жизни*» [Исбах 1963: 60]. Мотив приемного ребенка необходим автору для того, чтобы явить нереализованное из-за болезни, вызванной контузией, материнское счастье Нармы Батлаковой, а также показать героическую преемственность поколений на примере одной семьи. «Это для нее, для Булгун, вскочила Нарма в седло семнадцатилетней девочкой. Для нее оставила свой улус и первая из жен-

щин-калмычек пошла к Семену Буденному...» [Исбах 1963: 65].

В повести Нарма Батлакова доблестно сражалась за Родину и во время Великой Отечественной войны, о чем узнал московский художник, увидев старые ленты военной кинохроники [Исбах 1963: 71]. Шапшукова же не была участницей этой войны: как указано в ее регистрационном бланке члена КПСС, по состоянию здоровья [НА РК Ф. 966. Оп. 2. Ед. хр. 16. Л. 3], «в период оккупации жила она на одной из отдаленных чабанских точек, числилась в бригаде арбичкой» [Джамбинов 1994: 5]. В конце декабря 1943 г. вместе со всем калмыцким народом она была выслана в Сибирь.

В прозе А. Исбаха трудовая деятельность Шапшуковой не показана (скотовод, женорганизатор, уборщица, чернорабочая, колхозница), все внимание сфокусировано на личности первой калмыцкой женщины-кавалериста в гражданскую войну. Повесть под заглавием «Калмычка» воплотила собирательный женский образ: это мать и дочь Батлаковы, защищавшие Родину в боях. Для автора важно было поддержать реабилитацию репрессированного в годы сталинского террора калмыцкого народа. Этот мотив в повести связан прежде всего с погибшей Булгун, с ее письмом Андрею перед последним боем, где она выразила свое отношение к геноциду калмыков.

Романтизированный образ первой «буденновки» создан также в рассказе К. Ерымовского «Нарма Шапшукова» [Ерымовский 1937], на текст которого в основном опирался А. Исбах в своем рассказе. Эпизодически представлен образ этой калмычки (без упоминания о ее муже-командире) и в романе А. П. Листовского «Конармия» [Листовский 1975: 279, 287, 290–291]. В случае с Марией Доржиновной Шапшуковой основная канва ее героического жития в годы гражданской войны совпадает с биографией и с ее художественным модусом в русской прозе.

Художественный образ и его исторический прототип позволяют выявить некоторую, реализованную в действительности, «модель человека» определенной эпохи и культуры, которая в прозе А. Исбаха, «проявляется как реальность человека “здесь и сейчас”, то есть в определенной исторической и культурной среде» [Фокин, Малыгина 2010: 132].

Литература и источники

- Балакаев А. Г.* [Предисловие] // Исбах А. А. Калмычка: повесть. Элиста: Калмгосиздат, 1964. С. 3–4.
- Джамбинов Я. С.* Неизвестные страницы биографии Нармы Шапшуковой // Элистинские новости. 1994. 20–26 августа. С. 5.
- Ерымовский К. И.* Нарма Шапшукова // Женщина в гражданской войне: Эпизоды борьбы на Северном Кавказе в 1917–1920 гг. М.: История граждан. войны, 1937. С. 6–11.
- Исбах А. А.* Нарма Шапшукова // Женщина в гражданской войне: Эпизоды борьбы на Северном Кавказе в 1917–1920 гг. М.: История граждан. войны, 1937. С. 140–146.
- Исбах А. А.* Калмычка // Теегин герл. 1963. № 3. С. 57–72.
- Листовский А. П.* Конармия: роман. Изд. 3-е. М.: Молод. гвардия, 1975. 640 с.
- Монраев М. У.* Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: Издат. Дом «Герел», 2012. 255 с.
- Казенное учреждение Республики Калмыкия «Национальный архив».* НА РК. Ф. 966. Оп. 2. Д. 16.
- Фокин А. А., Малыгина И. Ю.* Антропологическая поэтика литератур Северного Кавказа: к постановке проблемы // Вестник Ставропольского университета. 2010. № 71. С. 130–135.
- Ханинова Р. М.* «Революционный трансвестизм» в повестях Б. Лавренева «Сорок первый» и А. Толстого «Гадюка» // Художественный текст и текст в массовых коммуникациях: материалы Междунар. науч. конф.: в 2 ч. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2009. Ч. 2. С. 27–35.
- Ханинова Р. М.* Рассказы Андрея Соболя «Княжна» и Артема Веселого «Дикое сердце» в аспекте народной песни о Степане Разине // VI Сургучевские чтения: культура Юга России – пространство без границ: сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2009. С. 220–223.